

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ,
БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИМБТ СО РАН)

670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел., факс: (3012) 43-35-51
e-mail: imbt@burinfo.ru

09.04.2012 № 155330.1/0212/89

На № _____

УТВЕРЖДАЮ:
Директор ИМБТ СО РАН
чл.-корр. РАН
Б.В. Базаров
« _____ » _____ 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертационной работе И.Г. Калмыковой

«Жанровая специфика бурятской комедии

второй половины XX – начала XIX в.»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.01.02 – литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)

Основная часть работы предваряется достаточно обстоятельными и квалифицированными историографическим обзором непосредственной темы исследования и экскурсом в теорию драмы (Введение и начало первой главы работы). Это дает возможность И.Г. Калмыковой верно обосновать актуальность темы исследования, определить его цель и задачи, выбрать соответствующие им методы исследования. К сказанному самим автором нужно добавить, что научная актуальность темы его исследования обусловлена более широким кругом научных проблем, и важнейшая из них – этнографо-фольклористическая проблема трансляции и реактуализации традиции посредством стадийно гораздо более поздних механизмов, в данном случае – драматургии. В самом начале автору удалось также сформулировать основополагающие для исследования положения методологического характера. К такому относится прежде всего констатация частого разрушения канониче-

ских жанровых структур, их взаимопроникновения и образования гибридных жанровых форм в драматургии Нового времени (как и вообще в литературе этой эпохи). Однако, этот процесс, актуальный и для бурятской драматургии, возможно, требует некоторого расширения формулировок названий глав и параграфов и более строгого употребления терминов «комедия», «трагикомедия», «бытовая драма» и просто «пьеса» непосредственно в тексте работы. Не все пьесы, рассматриваемые в работе, могут быть уверенно квалифицированы как комедии в некоем «чистом виде», но по самой своей природе представляют собой изначально заданные синкретические жанровые образования, причем, не обязательно с преобладанием в них именно комического начала, что, к его чести, регулярно отмечает и детально рассматривает и сам автор. В частности, о некоторых пьесах Г. Башкуева и Б. Ширибазарова помимо прочего сказано: «Порой их можно прочесть как *драмы* (Курсив наш. – *Рец.*), конфликт которых приобретает трагикомический характер, и его незавершенность отражается в открытом, *многозначном* финале» (стр. 34–35). Об этом же говорят и некоторые цитаты из работ иных исследователей, приводимых И.Г. Калмыковой. Так, анализ пьесы А. Ангархаева «Волшебная дача на Аршане» (заметим, анализ целостный, многоаспектный, не замыкающийся на поиске только комического / сатирического), завершается цитатой из П.Б. Коржевой: «Отдельные остроты, иронические реплики, каламбуры и т.п. в авторской речи или в речи персонажей – это и есть *микромир* (Курсив наш. – *Рец.*) комического» (стр. 84–85). По всей видимости, И.Г. Калмыкова просто не решилась на более общую формулировку названия работы, вроде: «Комическое начало в бурятской драматургии...» и т.д. Такое название, прежде всего, лишний раз подчеркнуло бы научное значение ее исследования, которое объективно шире проблем становления и развития собственно бурятской комедиографии, но, как верно отмечает и сама И.Г. Калмыкова, самым прямым образом относится к общелитературоведческим проблемам «жанрообразующей роли комического в литературе» (стр. 4) и ««родовой» специфики героя» (стр. 6). Тогда бы, в частности, было устранено и логическое несоот-

ветствие названия первого параграфа третьей главы «Развитие жанра комедии в драматургии Г. Башкуева» его непосредственному содержанию. Как, в частности, пишет и сама И.Г. Калмыкова о пьесе Г. Башкуева «Чукча» – «... это комедия с элементами сатиры и одновременно комедия в *единстве с серьезной драмой*... (Курсив наш. – *Рец.*) (стр. 104). В самом деле, что в таком случае «развивается» – одна комедия сама по себе или драма как таковая (в широком смысле как род словесного искусства)? Это же можно сказать и о некоторых иных пьесах, анализируемых в работе.

Во вторых же, предложенная (нами – *Рец.*) более широкая формулировка темы работы могла бы снять некоторую неясность: все, о чем идет речь в работе, – это специфично только для бурятской комедиографии или характеризует типологически более масштабное явление? (Но это замечание не очень существенно.)

Первая глава работы – «Жанры бурятской комедии в историческом аспекте» – ожидаемо и логично начинается с квалифицированного экскурса в историю становления бурятской комедии, начиная с вопросов ее генезиса, национальной и стадияльно-типологической специфичности. Это служит очень надежным фундаментом для рассмотрения более позднего материала, а именно драматургии собственно второй половины XX века и начала века XIX, действительно задает нужную ретроспективу. Правда, возникает при этом ощущение, что рассмотрение пьес Д. Батожабая и А. Ангархаева, написанных, строго говоря, уже во второй половине XX века, здесь несколько излишне, тем более что они еще раз рассматриваются во второй главе работы. Очень жаль также, что автору не удалось поподробнее рассмотреть пьесы из так называемой «улусной комедии», но произошло это по объективным причинам.

Второй параграф главы, посвященный воспроизведению и обогащению народной смеховой культуры в пьесах Ц. Шагжина «Будамшуу» и «Черт в сундуке» выглядит уже более целостным (хотя пьеса «Черт в сундуке» в названии параграфа не отмечается). В итоге же полного и достаточно разверну-

того анализа не только этих авторских пьес, но и, что существенно, не менее полного анализа бурятской сказочной традиции, автор убедительно показывает как главнейшие истоки бурятской комедии, так и обогащение и модернизацию традиций комического, уходящих корнями в фольклорную и средневековую книжную культуры («Панчатантра»). Поэтому наблюдения и выводы автора не вызывают никаких возражений, но, напротив, существенно обогащают наши представления о рассмотренном им материале.

Во второй главе работы, как это явствует из самого ее названия, продолжается рассмотрение соотношения традиции и инноваций в пьесах Д. Батожабая, А. Ангархаева, Б. Эрдынеева и Д. Дылгырова. Сохраняя выбранный путь исследования, И.Г. Калмыкова анализирует значение и развитие традиции сатирического изображения действительности в пьесах Д. Батожабая и А. Ангархаева (первый параграф) и процесс жанрового обновления в пьесах Б. Эрдынеева и Д. Дылгырова (второй параграф). Сохраняется в работе и отчетливое стремление к многоаспектному анализу материала, не сводимого только к комическому и сатирическому началу. В результате материал проанализирован с той же степенью полноты и убедительности, что и в первой главе работы. Правда, в данной главе автор, как представляется, несколько увлекается своей темой. В результате возникает вопрос о значении и самой сущности народной смеховой стихии в пьесах Д. Батожабая и А. Ангархаева (как и в пьесах Г. Башкуева, Б. Ширибазарова, о чем идет речь в третьей главе работы): имеем ли мы в данном случае дело с народной смеховой стихией в строгом смысле (как в пьесах Ц. Шагжина), или уже с результатами ее адаптации в рамках литературного процесса, в результате чего она перестает быть «народной», а становится уже более литературной. Поэтому утверждения автора о прямой связи поэтики этих пьес с фольклорной традицией выглядят несколько прямолинейными. В частности, «фантастические, волшебные превращения» в пьесе А. Ангархаева – это все-таки уже не сказочная фантастика и не «сказочные приемы», как утверждается на стр. 90, а «близость положительных героев сказочным персонажам» тоже не столь очевид-

на. Цитируем: «Такую же функцию («наказывать противников и одерживать над ними победу») выполняет и образ Некрасивой, которая, подобно сказочным образам мудрых девушек – сестер или невест мэргэнов, в финале проявляет находчивость, помогая Глупенькому изобличить своих обидчиков» (стр. 90–91). Разумеется, словесное искусство всех родов и жанров прямо или опосредованно восходит к фольклорной традиции, но выражаться так однозначно стоит далеко не всегда. Стоит также заметить, что один из выводов, подытоживающий вторую главу, оказался «не на своем месте». Концепция жанра как «сложной системы, которая не может целиком осуществляться в отдельных произведениях ...» давно не нуждается в каких-либо «подтверждениях» (стр. 103), да никогда в них и не нуждалась с самого момента своего рождения в литературоведении начала XX в. Об этом стоило бы сказать во Введении.

Рассмотрение процессов жанровых модификаций закономерно продолжается в третьей главе работы, посвященной драматургии Г. Башкуева и Б. Ширибазарова. К чести И.Г. Калмыковой нужно сказать, что ей удалось справиться с анализом столь сложного материала, сохранив необходимую его глубину и многоаспектность, гармонически сочетая внимание к процессам исторической преемственности, типологическому контексту творчества Г. Башкуева и Б. Ширибазарова, жанровой природе пьес и их поэтике в узком смысле.

В целом же, работа И.Г. Калмыковой «Жанровая специфика бурятской комедии второй половины XX – начала XIX в.» представляет собой квалифицированное научное исследование актуальной научной темы, задачи, поставленные диссертантом, решены, а отмеченные недостатки некоей системы, противоречащей общей логике исследования, не образуют, что и не позволяет усомниться в обоснованности сделанных в работе выводов и наблюдений. Работа обладает научно-практическим значением и может быть послужить решению как общетеоретических проблем сохранности и трансформации архаической фольклорно-этнографической традиции, так и при изуче-

нии истории литературы и театрального искусства. Весьма полезной окажется работа и в практике преподавания курсов литературы, режиссуры, актерского мастерства.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертационная работа И.Г. Калмыковой «Жанровая специфика бурятской комедии второй половины XX – начала XIX в.» отвечает требованиям, предъявляемым к диссертационным работам на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 – литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская).

Отзыв составил д. филол. н., доц. А.Г. Игумнов

Отзыв обсужден на заседании Отдела литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН;

протокол № 2 от 24 марта 2015 г.

Зав. отделом

д. филол. н., доц.

Л.С. Дампилова

Игумнов Андрей Георгиевич, д. филол. н., доц., с.н.с. Отдела литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН.

670002, г. Улан-Удэ, [REDACTED]

Тел. [REDACTED]

e-mail: [REDACTED]

